

Экономика и институты

КОНЦЕПЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КОНСТРУКТОРА

Розинская Наталия Анатольевна

*кандидат экономических наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Аннотация

В данной работе рассматриваются два базовых вида социально-экономических систем – традиционное общество и общество современного экономического роста – с точки зрения формирующих и преобладающих в этих системах институтов. Определяющими для традиционного общества предлагается рассматривать институты стабильности, основной целью которых является поддержание определенного жизненного уровня членов общества и особенно их социального статуса, т. е. существующего социального порядка. Определяющими для общества современного экономического роста предлагается считать институты развития, основной целью которых является создание мотивации в обществе к повышению производительности труда, эффективности, успешности в экономическом и социальном планах. Особое внимание в работе уделено концепции общества как институционального конструктора/пазла. Общества стабильны, если институты соответствуют друг другу, уровню технологий, географическому положению, и, наоборот, приходят в неустойчивое состояние и могут начать видоизменяться (либо разрушаться) в случае, когда такое соответствие нарушается.

Ключевые слова: институты стабильности, институты развития, институциональный конструктор/пазл, традиционное общество, общество современного экономического роста.

ЖЕЛ коды: В52, О1.

Для цитирования: Розинская Н.А. Концепция институционального конструктора // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2024. Том 16. Выпуск 4. С. 7-21. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-4-7-21.

Введение

В современной исторической и историко-экономической литературе преобладает видение исторического процесса как перехода социально-экономических систем через определенные последовательные этапы/стадии от низших к высшим. Данный подход основан на теориях выдающихся мыслителей XIX–XX вв. (Бюхер 1923; Маркс 1959; Росту 1966; Норт 2011). Различные авторы выделяют разное количество этапов/стадий, рассматривают несовпадающие

критерии выделения этих этапов/стадий, по-разному описывают механизмы перехода от одного этапа/стадии к другому, но все эти теории в явном или неявном виде исходят из общей «идеи прогресса»: предполагается поступательный характер развития общества, процесс перехода от одной стадии к другой понимается не как движение по кругу, но как движение «вверх», от низшей стадии к высшей. В частности, марксистская парадигма, оказавшая исключительное влияние на развитие общественных наук в XX в., рассматривает смену стадий (общественных формаций) как поступательный процесс, основанный на прогрессивном развитии технологий/производительных сил.

В то же время нельзя сказать, что стадийный подход является общепринятым. Во-первых, он не разделяется многими мыслителями, стоящими на последовательно религиозных позициях: «Если принимать Откровение св. Иоанна всерьез, мир не может становиться лучше» (Чаплин, 2008). Во-вторых, ряд светских авторов придерживаются неэволюционной концепции, рассматривая социально-экономические системы как определенные сочетания институтов, которые принципиально отличаются друг от друга, но совсем не обязательно являются этапами эволюционного процесса и, более того, могут быть присущи различным технологическим уровням. Особое место среди ученых, разделяющих подобную позицию, занимает американо-венгерский экономист и историк Карл Полян (Полян, 2002).

В отличие от авторов стадийных теорий, К. Полян не рассматривает исторический процесс как последовательность соподчиненных этапов развития. Он выделяет три вида формы обмена – взаимность, перераспределение, рыночный обмен – и показывает, что все социально-экономические системы делятся на три группы, в зависимости от того, какая из форм обмена преобладает. При этом Полян подчеркивает, что, во-первых, в каждом обществе существуют элементы всех трех видов обмена, но в разной пропорции, и, во-вторых, уровень развитости социально-экономической системы не связан с преобладанием в ней той или иной формы обмена. Кроме того, он считает, что рыночная форма обмена не только не является высшей формой, но и, более того, является отклонением от нормального развития (Полян, 2002).

Целью настоящей работы является попытка синтеза подхода К. Поляна и стадийного подхода. Данная попытка делается на основе авторской теоретической концепции институционального конструктора.

1. Традиционное общество vs. общество развития

Стремясь выделить общие моменты в стадийных теориях (в частности, Бюхера, Маркса, Ростоу, Кузнеца, Норта) и в концепции К. Поляна, следует прежде всего обратить внимание на то, что все они, во-первых, так или иначе признают существование двух принципиально отличных типов социально-экономических систем – традиционного общества и общества развития (даже если сами эти термины ими не употребляются) и, во-вторых, уделяют большое внимание процессу перехода от одного к другому. К. Бюхер, выделявший стадии натурального, городского, государственного и мирового хозяйства, говоря о переходе от городского к государственному хозяйству, фактически ведет речь именно о таком переходе. К. Маркс огромное внимание уделяет переходу от докапиталистических способов производства к капитализму, причем подчеркивается присущий капитализму динамизм, отличающий его от малоподвижных обществ прошлого. Для У. Ростоу подготовка к переходу от традици-

онного общества к современному и сам этот переход находятся в самом сердце его теоретической концепции; сам термин «традиционное общество» появляется в классической работе У. Ростоу (Rostow, 1953), где традиционное общество является первой из пяти стадий. Выделение двух этапов развития обществ, где традиционное общество является первой стадией и противопоставляется второй стадии – обществу современного экономического роста, было предложено в работе С. Кузнеца (Kuznets, 1966). Не противоречит этому подходу и концепция Д. Норта, изучающая переход от «естественного порядка» к «порядку открытого доступа».

Отметим, что фактическое признание дихотомии «традиционное общество – общество развития» не мешает сторонникам стадийного подхода выделять в рамках традиционного общества различные фазы, связывая их с уровнем развития производительных сил (Маркс) или с преобладающим типом социального устройства, «порядком доступа» (Норт). Аналогично не существует теоретических препятствий для выделения различных фаз внутри общества развития (государственное хозяйство и мировое хозяйство у Бюхера, марксистское учение о смене капитализма коммунизмом и т. д.).

К. Поланьи, хотя и не употреблял термины «традиционное общество» и «общество современного типа», подробно анализировал и противопоставлял друг другу общества, в которых рыночные отношения «укрощены» путем встраивания в социальную ткань (их можно отнести к традиционным), и общества, подчиненные «вырвавшемуся на волю» рынку (их можно считать аналогом обществ развития – с важной оговоркой, что Поланьи считал такое развитие в конечном счете ведущим к саморазрушению). Он также внимательно изучал исторический процесс перехода от первого типа обществ ко второму. Поланьи считал, что в рамках двух типов обществ могут параллельно или со смещением во времени, как в одну, так и в другую сторону, существовать различные институциональные системы, не являющиеся друг по отношению к другу стадиями, или этапами.

Таким образом, явное или неявное признание дихотомии «традиционное общество – общество развития» можно, не отрицая существования серьезных различий между взглядами названных выше мыслителей, считать общей чертой их теоретических концепций.

В наиболее четком виде критерии выделения традиционного общества и общества развития (оно же – общество современного типа / общество современного экономического роста) сформулированы У. Ростоу, С. Кузнецом и Дж. Эдвардсом. Согласно этим критериям, можно считать, что общество трансформировалось из традиционного в общество современного типа, если были выполнены следующие условия:

- появление мотивированного на зарабатывание прибыли класса предпринимателей;
- появление финансовых институтов для аккумуляции финансов;
- значительное расширение сферы внутренней и внешней торговли;
- появление нового типа предприятий, использующих новые методы производства (Rostow, 1953, p. 47);
- одновременный рост ВВП на душу населения и рост населения, сопровождающийся структурными изменениями в экономической системе (Kuznets, 1966, p. 1);
- высокий уровень урбанизации, при котором структура экономики изменилась таким образом, что доля аграрного сектора в экономике стала меньше половины;
- коммерциализация аграрного сектора;
- развитая региональная специализация (Edwards, 2015, p. 68);

- конкурентные отношения превратились в основу функционирования экономики, существуют развитые рынки факторов производства.

Описанные критерии характеризуют формирование и/или выход на первый план ряда свойственных обществу развития институтов, которые можно назвать институтами развития. На взгляд автора, их преобладание в обществе как раз и делает его обществом развития. Соответственно, традиционное общество характеризуется преобладанием другого типа институтов – институтов стабильности.

2. Институты развития и институты стабильности

Институциональная теория рассматривает общество как систему взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом институтов. В настоящей работе нами используется наиболее распространенное определение институтов, данное Д. Нортот: институты – это формальные и неформальные правила вместе с механизмами обеспечения их исполнения (Норт, 1997, с. 3). Данное определение института наилучшим образом подходит для целей нашего анализа в силу особого внимания, уделяемого Д. Нортот проблеме мотивации. Именно мотивация поведения, порожденная институтами, является, с нашей точки зрения, основным критерием для деления институтов на две основные группы, лежащие в основе формирования различий между традиционным обществом и обществом развития: институты стабильности и институты развития (Розинская, 2013).

Институты стабильности – институты, основной целью которых является поддержание определенного жизненного уровня членов общества и особенно их социального статуса, т. е. существующего социального порядка. Важнейшей ценностью здесь является стабильность. Главная функция институтов стабильности – поддерживать существующие в обществе связи и привычную, считающуюся нормой социальную иерархию. Примером здесь может служить поддержка слабых членов общества социальными структурами, к которым они принадлежат, – племенем либо семьей. Институты стабильности различными способами сдерживают конкуренцию, ограничивают оборот основного фактора производства – земли. Институтами стабильности можно назвать такие институты, как семья, род, ремесленные цеха, купеческие гильдии, вассалитет (форма коллективной ответственности), королевские привилегии, институты перераспределения (помощи) – община, приход, церковь и т. д.

Институтами развития предлагается называть институты, создающие мотивацию для экономической деятельности, выходящей за рамки простого воспроизводства (стоит отметить, что мотивацию для простого воспроизводства создают и институты стабильности, например, наличие семьи и необходимость ее обеспечить очевидным образом стимулируют человека работать), институты, мотивирующие людей к тому, чтобы *повышать* свою производительность и эффективность, чтобы быть максимально успешными в экономическом и социальном плане. Ключевой функцией данных институтов является развитие конкуренции.

К числу институтов развития относятся частная собственность, кредитная система, конкуренция, прибыль, свободные или слабо регулируемые рынки факторов производства, развитая система образования, институты, способствующие вертикальной и горизонтальной мобильности, и др. (Розинская, 2013).

Институты стабильности определяют основные характеристики общества, в котором они преобладают: чаще всего, хотя и не обязательно, такое общество является аграрным; члены общества стараются избегать изменений, которые воспринимаются как опасность для

сложившейся социальной иерархии, писанные и неписанные законы в таком обществе способствуют социальному и поведенческому конформизму; отсутствуют свободные рынки труда, земли и капитала; обычно предполагается невысокая социальная ценность образования; система подвержена законам мальтузианской ловушки.

Напротив, преобладание институтов развития определяет иные характеристики обществ: это общества динамично развивающиеся, рассматривающие изменения и определенную неустойчивость как цену, заплаченную не только за фактическое улучшение жизни, но и за саму возможность такого улучшения; нормой является поощрение конкуренции, которая рассматривается как движущая сила прогресса; стимулируются индивидуализм и желание выделиться, добиться индивидуального успеха; существуют относительно свободные рынки труда, земли и капитала; обычно, хоть и не обязательно, это общества урбанизированные; данные социально-экономические системы не являются заложниками мальтузианской ловушки.

Предполагается, что в любом обществе существуют и взаимодействуют друг с другом как институты стабильности, так и институты развития. Различные социально-экономические системы складываются из различных базовых наборов институтов, и, в зависимости от того, какие именно институты преобладают, можно говорить, относится ли данная социально-экономическая система к традиционному обществу или к обществу развития (Розинская, 2013).

Термины «конкурентные общества», или «общества развития» кажутся нам более подходящими, чем часто встречающийся термин «индустриальное общество». Целый ряд современных обществ (например, страны с господствующей эгалитарной идеологией – Иран, Куба, Северная Корея и др.), являющихся индустриальными, не характеризуются преобладанием институтов развития. Самым ярким примером, пожалуй, здесь может служить СССР: будучи мощной индустриальной державой, СССР не был «конкурентным обществом», хотя институты развития (в том числе способствующие конкуренции) в нем очевидным образом присутствовали: достаточно вспомнить конкурс в наиболее престижные вузы в 1970–1980-е гг. С другой стороны, советские экономические институты были встроены в институты социальные и политические, что служит, как показал К. Поланьи, характерным признаком традиционного общества. На наш взгляд, СССР следует считать обществом, находившимся в процессе перехода от традиционного к современному конкурентному обществу: институты стабильности (эгалитарная идеология, институт прописки, колхозный строй и многие другие) в нем преобладали, на протяжении десятилетий более или менее успешно ограничивая «разрушительное» действие институтов развития.

Для картины мира традиционного общества, где преобладают институты стабильности, характерен отказ от идеи развития в пользу концепции неизменности, цикличности жизни. Важнейшее значение имеет поддержание существующего порядка: всякое изменение несет риск нестабильности и угрожает общественному статусу сложившихся социальных групп. Как известно, в древних обществах обычай мог быть поколеблен только ссылкой на более старый обычай. Отличным примером отношения к нововведениям является один из законов Кодекса Драконта. В соответствии с этим законом, если житель Афин хотел предложить новый закон, он должен был прийти на народное собрание, где можно было это сделать, с веревкой на шее, и в случае, если собрание отказывалось принять данный закон, повеситься на этой веревке. Риск лишиться жизни сильно сокращал количество желающих менять законы (Розинская, 2013).

Напротив, в обществе современного экономического роста институты развития преобладают над институтами стабильности; если ослабевают институты развития, общество начинает стагнировать. Примером этого является социально-экономическая история Венеции в XVI–XVIII и Голландии в XVII–XVIII вв. Можно сказать, что там реализовалась «мечта Чиичикова»: вчерашние активные предприниматели вложили деньги в более или менее надежные активы (прежде всего в землю) и сосредоточились на поддержании своего респектабельного (условно – аристократического) статуса.

Важно подчеркнуть, что, хотя в обществе развития институты развития превалируют, институты стабильности в нем не исчезают, но продолжают играть весьма важную роль. Более того, как показал К. Поланьи, устойчивость самой общественной ткани зависит от их своевременного возникновения в случае, если старые институты стабильности разрушились (Поланьи, 2002).

3. Институциональный конструктор/пазл

Ранее говорилось об обществе как о системе взаимосвязанных и взаимозависимых институтов. Представляется, что ключевыми и в этом определении являются именно взаимосвязанность и взаимозависимость. Исходя из этого, предлагается рассматривать социально-экономическую систему как институциональный конструктор/пазл. В традиционном обществе стабильное состояние общества (когда «пазл сходится») обеспечивается комплементарностью институтов друг другу, географической среде и технологическому уровню. Это не означает, что в таком обществе совсем нет институтов развития (или уж во всяком случае – зародышей таких институтов). Они есть, но они надежно заблокированы прочно сцепленными между собой институтами стабильности, поэтому им достается лишь роль «крота истории» (Маркс), который, как известно, роет очень медленно.

Там, где социально-экономическая система была эффективна с точки зрения соответствия (комплементарности) институтов друг другу, технологическому уровню и географическим и климатическим особенностям (т. е. там, где «пазл сходился»), она демонстрировала бóльшие успехи, чем другие. Примеры работы механизма соответствия/несоответствия институциональной системы остальным факторам можно увидеть в эволюции обществ, развивавшихся за счет экспансии в период их подъема: Рима, Арабского халифата, Османской империи, Испании XIV–XVI вв.

Ослабление институтов стабильности и усиление институтов развития приводили традиционные общества к упадку. Это было отмечено еще Марксом, который писал о том, что некоторые институты (например, ростовщичество) разъедают ткань докапиталистических обществ: «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния» (Маркс, 1951, с. 144), тогда как капитализму они, говоря современным языком, вполне комплементарны. Классическим примером данного явления является кризис древнегреческого полиса (Розинская, 2013).

Комплементарность институтов может нарушиться в результате сильного внешнего шока (демографического, природно-климатического, военно-политического и т. д.). Их «сцепление» оказывается недостаточным для того, чтобы заблокировать развитие существующих и возникновение новых институтов. Яркие исторические примеры – природно-климатические изменения в Нидерландах в позднее Средневековье (Van Bavel, van Zanden, 2004), сопровож-

давшаяся самоистреблением аристократии война Алой и Белой Розы в Англии XV в., поражение Пруссии от Наполеона в первом десятилетии XIX в. и России в Крымской войне 1853–1856 гг.

В силу терминологического сходства развиваемой здесь концепции «конструктора институтов» («институционального пазла») с концепцией «институциональной матрицы» С.Г. Кирдиной (Кирдина, 2014) необходимо сделать ряд замечаний, касающихся различий между двумя теоретическими подходами. С.Г. Кирдина ведет речь о системе институтов, существующих определенным обществам в течение всего периода существования этих обществ и комплиментарных им более или менее неизменной материальной инфраструктуре. Она выделяет общества с коммунальной инфраструктурой – требующей единого управления, и некоммунальной – допускающей обособление отдельных элементов и их самостоятельное функционирование. К первому типу С.Г. Кирдина относит Россию, а также страны Азии, Африки, Латинской Америки, ко второму – европейские страны и бывшие англо-саксонские переселенческие колонии (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия). При этом о переходе той или иной страны от одной институциональной матрицы к другой (и даже о самой возможности такого перехода) речь не идет.

Напротив, наш подход исходит, во-первых, из превалирования институтов стабильности практически во всех обществах в досовременный период, а во-вторых, из того, что «конструктор» / «пазл», в отличие от «матрицы», не представляет собой данность, из которой невозможно вырваться. Наибольший интерес как раз представляет именно переход от традиционного общества, где преобладают институты одного типа, к обществу развития, где начинают преобладать другие институты.

Превалирующие в обществе институты задают господствующую мотивацию деятельности его членов, которая может быть направлена на поддержание своего статуса (в традиционном обществе) либо на максимизацию своего дохода (прибыли) и подъем по социальной лестнице (в обществе развития). Конечно, в рамках традиционного общества всегда существовали индивиды и социальные группы, ориентированные на максимизацию дохода (прибыли). Часто это были представители определенных религиозных либо этнических групп, по какой-либо причине не имевшие доступа к традиционным занятиям и связанному с ними статусу – евреи в европейских странах, армяне в Османской империи, китайцы в доколониальных и колониальных обществах Юго-Восточной Азии и т. д. История и литература дают немало примеров похожей мотивации и у выходцев из традиционных социальных слоев. Тем не менее, такая мотивация оставалась мотивацией меньшинства, зачастую готового – опять вспомним гоголевского Чичикова – при накоплении определенной (достаточной для поддержания статуса) денежной суммы поскорее вернуться к традиционному образу жизни («прикупить землишку» и оставить ее детям). Победа институтов развития означает, что мотив прибыли проникает в толщу общества, представляя собой пример перехода количества в качество. В силу аграрного характера подавляющего большинства традиционных обществ особую важность имеет изменение господствующей мотивации именно в аграрной сфере.

В научной литературе, как и в обычной речи, понятия «развитие» и «рост» обычно имеют позитивную коннотацию, будучи противопоставлены однозначно негативным «застою» и «деградации». На наш взгляд, однако, из этого не следует делать вывод о «позитивности» либо «негативности» институтов, не следует считать одни институты злом, а другие добром в зависимости от того, способствуют ли они современному экономическому росту, как

это делается целым рядом исследователей. У Норта, например, есть институты эффективные и неэффективные (Норт, 1997)¹, у Д. Асемоглу и Д. Робинсона – инклюзивные и экстрактивные (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Из отечественных авторов хотелось бы остановиться на концепции Т. Натхова, чья классификация институтов может показаться похожей на классификацию, предложенную в данной статье, так как похожи названия институтов (Натхов, 2008). В частности, Т. Натхов, рассматривая институты с точки зрения теории транзакционных издержек, выделяет эволюционные и консервативные институты. Первые снижают транзакционные издержки, а вторые увеличивают их, снижая скорость экономического развития либо вовсе его блокируя. Такой подход отличается от подхода, предложенного в данной статье. Во-первых, цели общества заключаются не только в обеспечении экономического роста, но и в самосохранении и воспроизводстве себя, для чего ему необходимы такие консервативные институты, как, например, семья, и большинство людей явно не готовы считать подобные институты «плохими». Во-вторых, низкие издержки социального взаимодействия – высокий уровень межличностного доверия и безопасности, низкая неопределенность и т. д., которые обычно считаются способствующими современному экономическому росту, в традиционном обществе обеспечиваются как раз институтами стабильности, что, однако, совсем не означает готовности такого общества к развитию рыночной конкуренции.

В природе человека (во всяком случае, в природе весьма значительного числа – почти наверняка большинства – людей) заложено стремление к стабильности условий своего существования. Одним из отражений этого стремления служит хорошо известный в микроэкономике принцип избегания риска (risk aversion). Многие люди сильнее боятся потерять имеющееся, чем хотят приобрести дополнительное (Канеман, 2003). Более того, можно предположить, что стремление к стабильности усиливается в человеке с возрастом. Если это так, то общественная потребность в институтах стабильности должна меняться под воздействием происходящих в данном обществе демографических изменений. Иными словами, в современном обществе, характеризующемся относительным старением населения, можно ожидать не только сохранения институтов стабильности, но, возможно, даже их своеобразного ренессанса.

Наличие и глубокая укорененность в обществе институтов стабильности не означают отказа такого общества от развития и даже, как показывает пример стран Азии, может в течение длительного времени сочетаться с высокими темпами экономического роста. Социально-экономическая динамика, продемонстрированная в XX в. Японией, а в XX–XXI вв. – Китаем, Южной Кореей, ОАЭ и рядом других азиатских стран, и наличие в этих обществах интенсивной конкуренции позволяют, в соответствии со сформулированными выше критериями, отнести их к обществам развития. С другой стороны, сохраняющиеся институты стабильности в этих странах видны, что называется, невооруженным глазом.

Создателем теории, обосновавшей важность институтов стабильности для поддержания существования общества, можно по праву назвать К. Поланьи, хоть он и не использовал сам термин «институты стабильности». В своих работах американско-венгерский ученый показывает, как институты рыночной системы в своем логическом развитии (свободные рынки факторов производства) приводят к системе, в рамках которой обязательно появляются ограничивающие рынок институты. В его концепции «двойного движения» фактически идет речь

¹ Схожую терминологию используют ряд российских экономистов – В. Маевский (2001), В. Макаров (1997), В. Полтерович (2001).

о своего рода «самообороне» институтов стабильности от наступления рыночных сил. Он подчеркивает, что скорость перемен должна соответствовать скорости адаптации общества к этим переменам – иначе возникает риск коллапса. В истории существуют многочисленные примеры социальных конфликтов при переходе от традиционного общества к обществу современного экономического роста. И чем меньше времени было отведено обществу для перехода, тем глубже и ожесточеннее были конфликты. В Англии модернизация длилась 300 лет, в Европе – 100, в России пытались уложиться в 25. Разрушение старых институтов стабильности либо не должно быть ускоренным, либо должно сопровождаться созданием новых (= защитных) институтов стабильности, соответствующих рождающейся системе. Например, при насильственном ускоренном разрушении общинных связей их следовало бы заменять другими видами связей: системой социального страхования, неформальными профессиональными или непрофессиональными организациями и т. д. (Попов, 2011).

Во всех социально-экономических системах мы находим как институты стабильности, так и институты развития, что способствует формированию противоречия между стабильностью общества и его развитием (эффективностью). В традиционных обществах ослабление институтов стабильности и усиление институтов развития приводили к их упадку. Для современного общества, в котором институты развития преобладают, очень важным является поддержание баланса между стабильностью и развитием (эффективностью), позволяющее избежать как застоя, так и саморазрушения.

На наш взгляд, правильнее не противопоставлять друг другу концепцию, рассматривающую общество как институциональный конструктор, и различные теории стадий общественного развития. С одной стороны, общество развития (оно же общество современного экономического роста) исторически и логически следует за традиционным. Нет ни одного примера полного обратного превращения современного общества в традиционное, тогда как примеров перехода от традиционного к современному много. Трудно поэтому спорить с тезисом, что современное общество представляет собой следующую стадию развития по сравнению с обществом традиционным. С другой стороны, примеры Венеции и Голландии показывают, что частичное «обратное движение» возможно, причем даже без насильственной (связанной обычно с политической революцией) ломки институтов: институты развития могут, если использовать аналогию из мира ботаники, в какой-то период активно расти и даже казаться доминирующими «цветами» на каком-то географическом «поле», но затем «забываться» меньше бросающимися в глаза, но тем не менее очень мощными «злаками» – институтами стабильности. Есть и примеры «обратного движения», связанного с насильственными (революционными) изменениями: самыми яркими представляются исламская революция в Иране в 1979 г. и гражданская война в Афганистане, закончившаяся приходом к власти Талибана.

4. Механизм трансформации социально-экономических систем: роль государства и скорость преобразований

Еще один важный теоретический аспект, который хотелось бы обсудить в данной работе, касается механизма изменения социально-экономических систем.

Прежде всего, стоит отметить, что во многих случаях этот механизм запускается государством, реагирующим на вызов, причем чаще всего – на внешний вызов. Так, в Западной Европе период модернизации начинается с появления национальных государств, которые ак-

тивно конкурируют между собой и последовательно разрушают институты стабильности, создавая институты развития (Розинская, 2013). Именно государство в странах Западной Европы устраняет один из ключевых институтов стабильности – цеховую систему, которая постепенно заменяется конкуренцией. Единственным исключением была Голландия, где цеховая система начала разрушаться естественным путем, во-первых, из-за появления новых отраслей, в которых в силу их достаточно позднего появления отсутствовало цеховое регулирование и, во-вторых, из-за активного притока мигрантов, которые не имели возможности встроиться в достаточно консервативную цеховую систему и поэтому действовали в условиях конкуренции (Розинская, 2015).

Помимо того, что государство, разрушая цеха, запускает механизм конкуренции, именно государство создает условия для формирования рынков факторов производства и, прежде всего, рынка земли. Именно формирование рынка земли, важнейшим условием для существования которого было четкое регулирование прав собственности на землю, стало условием формирования рынка труда, а в определенной степени и рынка капитала (Ходжсон, 2017), без которых модернизация социально-экономических систем была бы затруднительна.

Важно отметить, что государство, реализуя ту или иную политику в области институциональных преобразований, часто проявляет себя как институт «нетерпеливый». Это связано с несколькими факторами. Во-первых, в ситуации внутреннего либо внешнего политического давления, а именно такая ситуация вызывает необходимость преобразований, у государства просто нет времени на терпеливое выращивание качественных институтов: требуется каким угодно образом здесь и сейчас создать, например, способную защитить страну армию и современную военную промышленность. Такое положение дел особенно характерно для догоняющего развития. Во-вторых, государство, располагая административным аппаратом принуждения, часто склонно преувеличивать силу этого аппарата. В-третьих, срок, необходимый для укоренения общественного института, обычно больше, чем срок нахождения на какой-то конкретной должности задействованного в преобразовательной работе государственного чиновника, заинтересованного в представлении быстрого результата и ожидаемом после этого карьерном росте.

В силу названных причин во многих странах догоняющего развития, в том числе в России, процессы вытеснения одних институтов другими происходили в ускоренном темпе, и было нарушено сформулированное К. Поланьи правило о необходимости соответствия скорости перемен скорости адаптации общества к этим переменам. В терминах институтов стабильности и институтов развития можно сказать, что в дореволюционной России институты развития начали формироваться слишком быстро, и общество не успевало адаптироваться, так как разрушенные институты стабильности традиционного общества не были заменены другими институтами стабильности, комплементарными новой социально-экономической системе. Именно это несоответствие привело к драматическим событиям начала XX в.

Напротив, в целом ряде азиатских стран картина была иной. В результате внешнего воздействия и/или целенаправленной политики государства там также была нарушена «старая» комплементарность институтов («нарушен пазл»), что позволило институтам развития возникнуть и/или начать активно развиваться. При этом по целому ряду внутри- и внешнеполитических причин политическая власть на протяжении всего периода преобразований или значительной его части оставалась прочной, способной к более или менее последовательному «ин-

ституциональному творчеству». Такое творчество включало не только выращивание либо импорт институтов развития, но и защиту важных для устойчивости общества институтов стабильности, обеспечение их сцепки с возникающими институтами развития, а при необходимости – замену одних институтов стабильности другими (например, взятие на себя патерналистским государством функций поддержки семей, выполнявшихся в традиционном обществе родом, племенем или общиной).

Заключение

В данной работе рассматриваются два базовых вида социально-экономических систем – традиционное общество и общество развития – с точки зрения формирующих и преобладающих в этих системах институтов. Показано, что выделение двух названных типов общественного устройства не противоречит как стадийным концепциям социально-экономического развития, так и альтернативным взглядам (концепции К. Поланьи).

Особое внимание в работе уделено концепции общества как институционального конструктора/пазла. Общества стабильны, если институты соответствуют друг другу, уровню технологий, географическому положению, и, наоборот, приходят в неустойчивое состояние и могут начать видоизменяться (либо разрушаться) в случае, когда такое соответствие нарушается.

Исследования типов общественно-экономических формаций представляет собой «институциональную макроэкономику», тогда как исследование отдельных институтов – «институциональную микроэкономику». Предложенный теоретический подход, ставящий во главу угла степень комплементарности институтов, их сцепку друг с другом либо, напротив, вытеснение одних институтов другими, может, как представляется, содействовать развитию институционального анализа как единого метода научного познания.

Список литературы

- Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон. М.: Изд-во АСТ, 2015.
- Бюхер К. Возникновение народного хозяйства: публичные лекции и очерки / ред. и пер. И.М. Кулишер. 5-е изд. испр. и доп., пер. по 16-му нем. изд. 1922 г. Пг.: Akademia, 1923.
- Гавров С.Н. Модернизация: основные определения и характеристики // *Humanity Space International Almanac*. 2012. Vol. 1. No 3. P. 573–592.
- Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. № 4. С. 31–42.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб., расш. и ил. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Крадин Н.Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов // *История и Математика: Модели и теории*. 2008. С. 166–200.
- Маевский В. Эволюционная теория и институты // *Вестник ГУУ*. 2001. № 1.
- Макаров В. О применении метода эволюционной экономики // *Вопросы экономики*. 1997. № 3.
- Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1959.

- Маркс К. Капитал. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.
- Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Евразийское пограничье. Т. 4. Екатеринбург: Изд-во Волот, 2001. С. 217–246.
- Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.А. Васильева и др.; под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002.
- Полтерович В. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
- Попов В.В. Стратегии экономического развития. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011.
- Попов В.В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 3 (15). С. 35–65.
- Розинская Н.А. Институты стабильности и институты развития // Ежегодная научная конференция Новой экономической ассоциации «Междисциплинарные исследования экономики и общества». 10–11 декабря 2013 г. М.: ООО «МАКС Пресс», 2014. С. 62–72.
- Розинская Н.А. Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7. № 3. С. 50–63.
- Розинская Н.А. Истоки современного экономического роста: Европа или Азия // Экономическая история. 2016. № 2. С. 48–55.
- Розинская Н.А. Причины различий в динамике экономического роста в Португалии и Голландии в XV–XVII вв. в свете институциональных теорий // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Т. 9. № 1. С. 39–50.
- Ходжсон Дж. 1688 год и все такое: права собственности, Славная революция и подъем британского капитализма // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 63–92.
- Чаплин В. Церковь в России: обстоятельства места и времени. М.: Арефа, 2008.
- Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // The Economic History Review. New Series. 1999. Vol. 52. No. 2. P. 209–235.
- Edwards R. Economic Growth: Song China and England. 2015.
- Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven; London: Yale University Press, 1966.
- North D.C. Markets and other systems in history: The challenge of Karl Polanyi // Journal of European Economic History. 1977. Vol. 6. No. 3. P. 703–716.
- Overton M. Agricultural Revolution in England 1500—1850. Cambridge, 2002.
- Rostow W.W. The Process of Economic Growth. Oxford, 1953.
- Van Bavel B., van Zanden J. The Jump-Start of the Holland Economy during the Late-Medieval Crisis, 1350–1500 // The Economic History Review. 2004. Vol. 57. No. 3. P. 503–532.
- Натхов Т. Классификация институтов и социальный контракт. 2008: URL: <https://www.hse.ru/data/785/069/1236/Text.pdf> (дата обращения: 07.06.2024).

INSTITUTIONAL CONSTRUCTOR CONCEPT

Natalia A. Rozinskaya

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics
(Moscow, Russia)*

Abstract

This paper examines two basic types of socio-economic systems - traditional society and society of modern economic growth - from the point of view of the institutions that form and prevail in these systems. It is proposed to consider institutions of stability as defining factors for a traditional society, the main purpose of which is to maintain a certain standard of living for members of society and especially their social status, that is, the existing social order. It is proposed to consider development institutions as determining factors for a society of modern economic growth, the main goal of which is to create motivation in society to increase labor productivity, efficiency, and success in economic and social terms. Particular attention is paid to the concept of society as an institutional constructor/puzzle. Societies are stable if institutions correspond to each other, the level of technology, and geographic location, and, conversely, they become unstable and can begin to change (or collapse) when such correspondence is violated.

Keywords: institutions of stability, institutions of development, institutional constructor/puzzle, traditional society, society of modern economic growth.

JEL: B52, O1.

For citation: Rozinskaya, N. A. (2024) Institutional constructor concept. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 16, no. 4, pp. 7-21. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-4-7-21.

References

Adzhemoglu D. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye: proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety / Daron Adzhemoglu, Dzheyms A. Robinson. M.: Izd-vo AST, 2015. (In Russ.).

Byukher K. Vozniknovenie narodnogo khozyaystva: publichnye lektzii i ocherki / red. i per. I.M. Kulisher. 5-e izd. ispr. i dop., per. po 16-mu nem. izd. 1922 g. Pg.: Akademia, 1923. (In Russ.).

Gavrov S.N. Modernizatsiya: osnovnye opredeleniya i kharakteristiki. Humanity Space International Almanac. 2012. Vol. 1. No 3. P. 573–592. (In Russ.).

Kaneman D., Tverski A. Ratsional'nyy vybor, tsennosti i freymy. Psikhologicheskii zhurnal. 2003. Vol. 24. No. 4. P. 31–42. (In Russ.).

- Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu*. Izd. 3-e, pererab., rassh. i il. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. (In Russ.).
- Kradin N.N. *Problemy periodizatsii istoricheskikh makroprotsessov. Istoriya i Matematika: Modeli i teorii*. 2008. P. 166–200. (In Russ.).
- Maevskiy V. *Evolyutsionnaya teoriya i instituty*. Vestnik GUU. 2001. № 1. (In Russ.).
- Makarov V. *O primeneniі metoda evolyutsionnoy ekonomiki*. Voprosy ekonomiki. 1997. № 3. (In Russ.).
- Marks K., Engel's F. *K kritike politicheskoy ekonomii*. Marks K., Engel's F. *Sobr. soch.* 2-e izd. Vol. 13. M.: Politizdat, 1959. (In Russ.).
- Marks K. *Kapital*. T. 3. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. (In Russ.).
- Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki / Per. s angl.* A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B.Z. Mil'nera. M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. (In Russ.).
- Nort D.K., Uollis Dzh., Vayngast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii*. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2011. (In Russ.).
- Poberezhnikov I.V. *Teoriya modernizatsii: osnovnye etapy evolyutsii. Evraziyskoe pogranich'e*. Vol. 4. Ekaterinburg: Izd-vo Volot, 2001. P. 217–246. (In Russ.).
- Polan'i K. *Velikaya transformatsiya: Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni / Per. s angl.* A.A. Vasil'eva i dr.; pod obshch. red. S.E. Fedorova. SPb.: Aleteyya, 2002. (In Russ.).
- Polterovich V. *Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov. Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. 2001. No. 3. (In Russ.).
- Popov V.V. *Strategii ekonomicheskogo razvitiya*. M.: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2011. (In Russ.).
- Popov V.V. *Pochemu Zapad razbogatel ran'she, chem drugie strany, i pochemu Kitay segodnya dogonyaet Zapad? Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. 2012. No. 3 (15). S. 35–65. (In Russ.).
- Rozinskaya N.A. *Instituty stabil'nosti i instituty razvitiya. Ezhegodnaya nauchnaya konferentsiya Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii «Mezhdistitsiplinarnye issledovaniya ekonomiki i obshchestva»*. 10–11 dekabrya 2013 g. M.: OOO «MAKS Press», 2014. P. 62–72. (In Russ.).
- Rozinskaya N.A. *Istoki sovremennoy ekonomicheskoy sistemy: Angliya ili Gollandiya. Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy)*. 2015. Vol. 7. No. 3. P. 50–63. (In Russ.).
- Rozinskaya N.A. *Istoki sovremennogo ekonomicheskogo rosta: Evropa ili Aziya. Ekonomicheskaya istoriya*. 2016. No. 2. P. 48–55. (In Russ.).
- Rozinskaya N.A. *Prichiny razlichiy v dinamike ekonomicheskogo rosta v Portugalii i Gollandii v XV–XVII vv. v svete institutsional'nykh teoriy. Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy)*. 2017. Vol. 9. No. 1. P. 39–50. (In Russ.).
- Khodzhsan Dzh. *1688 god i vse takoe: prava sobstvennosti, Slavnaya revolyutsiya i pod'em britanskogo kapitalizma. Voprosy ekonomiki*. 2017. No. 11. P. 63–92. (In Russ.).
- Chaplin V. *Tserkov' v Rossii: obstoyatel'stva mesta i vremeni*. M.: Arefa, 2008. (In Russ.).
- Allen R. *Tracking the Agricultural Revolution in England. The Economic History Review. New Series*. 1999. Vol. 52. No. 2. P. 209–235.
- Edwards R. *Economic Growth: Song China and England*. 2015.
- Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. New Haven; London: Yale University Press, 1966.

North D.C. Markets and other systems in history: The challenge of Karl Polanyi. *Journal of European Economic History*. 1977. Vol. 6. No. 3. P. 703–716.

Overton M. *Agricultural Revolution in England 1500—1850*. Cambridge, 2002.

Rostow W.W. *The Process of Economic Growth*. Oxford, 1953.

Van Bavel B., van Zanden J. The Jump-Start of the Holland Economy during the Late-Medieval Crisis, 1350–1500. *The Economic History Review*. 2004. Vol. 57. No. 3. P. 503–532.

Natkhov T. *Klassifikatsiya institutov i sotsial'nyy kontrakt*. 2008: Available at: <https://www.hse.ru/data/785/069/1236/Text.pdf> (accessed: 07.06.2024). (In Russ.)